

Л. Д. Широкопад

докт. экон. наук, профессор кафедры экономической теории
Санкт-Петербургского государственного университета

А. Я. ПОЛЕНОВ И ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Алексей Яковлевич Поленов родился в 1738 г. В 1749 г. был принят в Академическую гимназию. В 1754 г. переведен в студенты Академического университета в С.-Петербурге, где изучал преимущественно юридические науки. В 1761 г. по решению Сената переводил лифляндские и эстляндские законы. За эту работу получил чин переводчика и был включен в штат Петербургской академии наук. В 1762 г. — году, когда состоялась коронация Екатерины II, — он был направлен в Страсбург для продолжения образования. Во все время пребывания там находился под «ближайшим надзором» профессора А. П. Протасова и под покровительством члена правления и советника канцелярии Петербургской академии наук И. А. Тауберта¹. В первые годы царствования Екатерины II последний имел большую власть в Академии, так как содействовал перевороту 28 июня 1762 г., который привел к отстранению от власти Петра III. С М. В. Ломоносовым, находившимся в непримиримой вражде с И. А. Таубертом, он побаивался устанавливать какие-либо контакты. В одном из писем к А. П. Протасову он писал: «К Михаилу Васильевичу писать хотя и чрезмерно желаю, но опасуюсь, чтоб не нажить чрез сие хлопот» (Поленов, 1865, с. 456) .

Страсбургский университет был избран для продолжения образования А. Я. Поленова не случайно. По словам известного русского историка Е. Ф. Шмурло, он «пользовался в ту пору громкою известностью, привлекая слушателей со всех концов Европы, в особенности русских и шведов». В истории названного университета половина XVIII столетия отмечена борьбою двух направлений: немецкого и французского. Но последнее заметно одерживало перевес. На лекциях «главное внимание обращено было на реальную сторону изучаемого предмета и его практическую применимость; все же отвлеченное и метафизическое оставлялось в тени или отбрасывалось как ненужное бремя» (Шмурло, 1905, с. 467—468). Этот дух Страсбургского университета

---

¹ «Усмотрев в будущем авторе „Записки о крепостном состоянии крестьян в России“, бывшем тогда студентом университета при академии, высокие способности, Тауберт послал его за границу для пополнения образования и регулярно переписывался с ним, поощряя его к наукам. Поленов питал к Тауберту самые горячие чувства благодарности и уважения. Уже после полного почти удаления Тауберта от дел Поленов писал ему (7 января 1767 г.): «Словами не могу довольно изобразить, сколь мне сие прискорбно. Однако имею честь уверить, что мои мысли не переменились. Я знаю почитать моих благодетелей и надежду свою возлагаю на Бога. Ненастье не может беспрестанно продолжаться, и следующая светлая погода тем большую радость и веселье в нас возбуждает» (Тауберт Иван Андреевич, 1912, с. 367).

² «В занимаемом им академическом доме ночью (28 июня 1762 г. — Л. Ш.), с его ведома и приказа, печатался манифест, который был роздан уже на рассвете. 19 июля 1762 г. он был удостоен титула статского советника с назначением ему жалованья в 1500 руб. В это время, хотя Ломоносов еще оставался в канцелярии советником наравне с Таубертом, фактическое управление ею перешло к Тауберту...» (Тауберт Иван Андреевич, 1912, с. 369).

был глубоко усвоен А. Я. Поленовым и определил своеобразие его последующей творческой деятельности в Петербургской академии наук» (Шмурло, 1905, с. 467–468).

Тщательное изучение А. Я. Поленовым в Страсбурге древнеримского и европейского права и сопоставление его с российским законодательством привели его еще до возвращения в Россию к весьма критической оценке последнего. Так, в своем письме к И. А. Тауберту от 13 сентября 1765 г. он писал: «Следуя Вашему совету, разбираю я указы и уложения и кроме беспорядка, замешательства, недостатка и несправедливости ничего почти не нахожу. Я приметил столь знатные в наших правах погрешности, что оные могут иногда нанести великий вред и государю, и народу...» (см.: Поленов, 1865, с. 467). Через три месяца он пишет А. П. Протасову: «...прежние узаконения, или по крайней мере большая оных часть, смотря по нынешним обстоятельствам России, совсем негодны, и к решению дел не могут быть применены. Сие самое причиною, что у нас нет ни судов, ни судей, которые бы сие имя по справедливости заслуживали. И притом гражданские, политические и криминальные дела так меж собою смешаны, что их разобрать трудно. Сверх сего еще почти не можно знать, где о каком деле просить, ибо каждая контора, умалчивая о канцеляриях, присвоает себе право решать дела всякого рода, хотя против всей справедливости» (Поленов, 1865, с. 706).

Хотя обучение в Страсбургском университете было в высшей степени полезным и интересным для А. Я. Поленова, все же он мечтал хотя бы часть времени, которое было отведено для его заграничной командировки, провести в Геттингенском университете. Этот университет был основан представителем ганноверской династии английских королей Георгом II¹ и находился под покровительством этой династии. Его устав обеспечивал широкие свободы как для профессоров, так и для студентов и допускал лишь минимальное вмешательство государства в его внутреннюю жизнь. Не менее важным было и то, что английские короли постоянно оказывали щедрую материальную поддержку этому университету. Поэтому уже очень скоро Геттингенский университет прославился как один из самых знаменитых европейских университетов², в котором мечтали учиться студенты многих стран. Попадали туда и россияне, но прежде всего выпускники Московского университета, который установил тесные связи с Геттингенским университетом сразу после того, как был учрежден. А. Я. Поленов ходатайствовал о переводе его в Геттингенский университет. Ходатайство было удовлетворено. Он проработал здесь примерно полгода начиная с конца 1766 г. В письме директору Петербургской академии наук графу В. Г. Орлову он писал: «...Геттингенский университет в рассуждении юриспруденции за наилучший из всех может почесться... Юристы со всех стран приезжают сюда для своего образования и усовершенствования» (Поленов, 1865, с. 717).

* * *

Екатерина II сформировалась как личность в Германии. Для всей Европы, включая Германию, XVIII в. — это эпоха Просвещения. Став императрицей, Екатерина II установила самые тесные контакты с французскими энциклопедистами, всячески покровительствуя им³. На нее равнялась вся российская аристократия и интеллекту-

¹ До 1837 г. династия английских королей одновременно была правящей династией Ганновера, находившегося с Великобританией в личной унии (см.: Айзенштат, 2006, с. 388).

² Слова «ганноверский дух» надолго стали синонимом свободолобия и подлинной научности, восприятия действительности с позиций философии Просвещения. В литературе уже указывалось на использование этого понятия А. С. Пушкиным. Знакома читателей с персонажем своей поэмы «Евгений Онегин», он пишет: «...Владимир Ленский, С душою прямо геттингенской... Поклонник Канта и поэт. Он из Германии туманной Привез учености плоды: Вольнолюбивые мечты...» (Пушкин, 1960, с. 38).

³ «Дух законов» Монтескье стал ее (Екатерины II. — Л. Ш.) настольной книгой. Вскоре после дворцового переворота... она звала Дидро приехать в Петербург для завершения публикации

альная элита. Один из примеров этого содержится в письме А. Я. Поленова к своему другу Заутерсгейму от 1 ноября 1766 г.: «Граф Разумовский... приехал сюда (в Страсбург. — Л. Ш.) для свидания с своими детьми. Узнав, что Руссо еще здесь, граф хотел на другой же день своего приезда посетить его. Он, говорят, имел намерение предложить ему в подарок всю свою библиотеку, дать ему пенсию и местопребывание в любом из своих многочисленных поместьев в Малороссии. К сожалению, это великодушное намерение графа не исполнилось, потому что Руссо выехал из Страсбурга в тот же самый день, как граф сюда приехал» (Поленов, 1865, с. 706–707).

* * *

Крепостное право в России, конечно, было совершенно не совместимо с идеологией Просвещения. Екатерина II хорошо это понимала и в начале царствования, пока была молода, полна реформистских иллюзий и еще не столкнулась с Пугачевским бунтом и с общественным резонансом, вызванным публикацией «Путешествия...» А. Н. Радищева, раздумывала над тем, чтобы в той или иной форме законодательно ограничить и смягчить крепостное право. В то же время она интуитивно чувствовала, что российское дворянство, на которое она опиралась, окажет жесткое сопротивление любым попыткам такого рода.

Осознавая всю сложность вопросов, связанных с ограничением крепостного права, и неоднозначность реакции на попытки такого ограничения со стороны различных социальных слоев общества, Екатерина II решила привлечь к решению этой задачи недавно образованное Вольное экономическое общество. По ее инициативе это Общество объявило в 1766 г. в печати задачу: «...что полезнее для общества, — чтоб крестьянин имел в собственности землю или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое имение простираются должны?» (цит. по: (Семевский, 1888, с. 48)).

Всего Вольное экономическое общество получило 162 ответа на этот вопрос, из них 120 немецких, присланных из разных концов Европы, но преимущественно из Германии. На конкурс были отобраны 15 сочинений, из них 9 немецких. Победителем конкурса стал доктор прав из Аахена Беарде-де-Лабель, предлагавший вообще отложить решение крестьянского вопроса. Он доказывал, что «должно приуготовить рабов к принятию вольности прежде, нежели дана будет им какая собственность» (цит. по: (П. Б., 1865, с. 286)). Кроме его ответа, решено было напечатать еще три сочинения, в том числе гальберштадского каноника Велльнера, ставшего впоследствии прусским министром, и лифляндца Мека. Все немецкие авторы, включая тех, ответы которых не были напечатаны, выступали против крепостного права, признавая его неэффективность. В то же время они были озабочены тем, чтобы не пострадали интересы помещиков. Поэтому они предлагали передать землю крестьянам не в собственность, а лишь в постоянное пользование, увеличив в то же время крестьянские повинности.

“Энциклопедии”, изданию которой во Франции препятствовало королевское правительство. Несколько позже она приглашала д’Аламбера поселиться в России и взять на себя воспитание ее сына, наследника престола Павла Петровича. Начиная с 1763 г. Екатерина ведет оживленную переписку с Вольтером, в которой именует его своим “учителем”. Grimm становится ее доверенным лицом. Она советуется с ними относительно ведения государственных дел, посылает им дорогие меха и коллекции золотых монет, оказывает денежную помощь. Они прославляют ее как “северную Семирамиду”, воспевают ее “просвещенный ум” и посылают ей проекты реформ...” (Штранге, 1956, с. 36). Ф. М. Grimm «в 1776–1777 годах жил в С.-Петербурге, получил предложение Екатерины II остаться в России и принять участие в реформе народного образования (отклонил его)... В 1774–1776 годах — корреспондент... Екатерины II. Способствовал приобретению ею для Эрмитажа художественных коллекций и отдельных произведений искусства (в том числе копий ватиканских Лоджий Рафаэля), книжных собраний (например, библиотек Вольтера и Дидро)» (Карп, 2007, с. 12–13).

По мнению В. И. Семевского и других исследователей, самым лучшим ответом на вопрос, поставленный Вольным экономическим обществом, был ответ А. Я. Поленова. Вернувшись из Германии в Петербург в мае 1767 г., он к февралю 1768 г. представил свой ответ на указанный вопрос. А. Я. Поленов доказывал, что только собственность на землю может заинтересовать крестьянина в высокопроизводительном труде и таким образом является необходимым условием обильного снабжения промышленности дешевым сырьем, а городского населения — дешевыми продуктами питания и промышленными товарами народного потребления. Все это будет создавать высокий спрос на труд и, соответственно, служить «к истреблению в народе праздной жизни» (Поленов, 1865, с. 290). Рост доходов населения будет способствовать увеличению доходов государства, следовательно, росту его мощи. Содержание же населения в угнетенном состоянии «не только вредно, но и опасно» для общества, ибо порождает постоянные народные волнения (там же, с. 291—292).

По мнению А. Я. Поленова, порабощение крестьян противоречит естественному праву, только насилие могло привести людей в столь плачевное положение. Он подчеркивает, что именно крестьянство обеспечивает все общество средствами к жизни, благородные сословия — досугом, встает на защиту Отечества, когда ему грозит опасность. Это самое полезное сословие, поэтому оно заслуживает от власть и собственность имущих постоянного о себе попечения и заботы. В действительности положение крестьян в России поистине трагично. «Я не нахожу беднейших людей, как наших крестьян, которые, не имея ни малой от законов защиты, подвержены... обидам и претерпевают беспрестанные наглости, истязания и насильства... Превратный образ их житья, поступков и мнений» поэтому «всяма плачевное позорище представляют» (там же, с. 298).

А. Я. Поленов разработал нечто вроде программы возрождения русского крестьянства. Интересно, что на первом месте у него оказались проблемы воспитания и образования: учреждение в каждой деревне начальных школ; заведение в больших деревнях лекарей, а в будущем и врачей; организация в деревнях полиции, элементарной противопожарной безопасности, охраны леса, рек и озер.

Хотя, как отмечалось выше, в принципе А. Я. Поленов признает самое благотворное воздействие на крестьян и на все общество введения частной крестьянской собственности на землю, все же он учитывает и то обстоятельство, что данная мера противоречила бы интересам дворянства. Исходя из необходимости согласовать эти противоположные интересы, он предлагал передать землю крестьянам не в собственность, а в постоянное и наследственное пользование. Пока крестьянин «исправно будет наблюдать все свои должности», помещик не может отобрать эту землю у него. Только если это условие не соблюдается, земля может быть отобрана, однако это может произойти лишь по решению суда. Не будучи полным собственником земли, крестьянин не имеет права продавать ее, а также дарить, закладывать, разделять между детьми. «Таким образом, — заключает А. Я. Поленов, — помещик всегда удержит свое право, а крестьянин свободно будет пользоваться дозволенными ему выгодами» (там же, с. 307).

Чтобы не допустить аграрного перенаселения, местные власти должны проводить эффективную переселенческую политику (в рамках соответствующего региона). В частности, предполагалось обеспечивать переселяющиеся крестьянские семьи не только свободной землей, но и домами, на первых порах снабжать их сельскохозяйственными орудиями, семенами, скотом, освобождать от всех повинностей и налогов. В целях поощрения роста населения А. Я. Поленов предлагал учитывать семейное положение крестьян при закреплении за ними «служб и податей государю и господину».

Собственность крестьян на продукты их труда, за вычетом фиксированных по размерам частей, которые по закону отчуждаются в пользу государства и господина, по мнению А. Я. Поленова, должна быть полной и гарантированной, так чтобы помещик не имел никакой возможности посягать на нее.

На облегчение юридического положения крестьян было направлено предложение А. Я. Поленова учредить крестьянские суды для разрешения споров между самими крестьянами, а также между крестьянами и помещиками.

Было бы, однако, весьма опасно ввести немедленно все эти свободы, ибо «многими примерами уже подтверждено, сколь далеко в подобных случаях простирается неистовство подлого народа». Поэтому А. Я. Поленов подчеркивал, что проведению указанных реформ должна предшествовать длительная воспитательная работа среди крестьян «под предводительством благонравных церковников». Кроме того, «для показания примера дворянству» начинать реформы следовало бы с дворцовых и государственных крестьян (там же, с. 314).

Сочинение А. Я. Поленова своей острой критикой крепостнических порядков, царивших в России, а также радикализмом и основательностью предложенных им мер, долженствовавших освободить российское общество от этой язвы, напугало не только Комиссию, признавшую его настолько опасным, что не решилось его опубликовать. Сама императрица, зная об этом сочинении, «не только не повлияла на избрание» А. Я. Поленова «в Академию (не более “вольную”, конечно, чем Экономическое общество), но и не сумела употребить его способности с большею пользою» (Семевский, 1888, с. 82). Поскольку иностранные ответы на запрос Вольного экономического общества, получившие право на публикацию, были недоступны не только для русского общества, но даже и для большинства депутатов Комиссии по составлению нового Уложения, поскольку они написаны были на иностранных языках, «для русского общества самым влиятельным из всех рассмотренных нами сочинений могла быть только работа Поленова, но из опасения этого влияния Экономическое общество и положило его под спуд... Очень может быть, что императрица не желала полного раскрытия нашей внутренней язвы не столько из опасения раздражить русских крепостников, сколько ради того, чтобы эти разоблачения не дошли до сведения Европы, тем более что в изданном около этого времени по-французски опровержении на книгу аббата Шаппа (1770) она весьма розовыми красками рисовала быт наших крепостных крестьян и доказывала, что их положение несравненно лучше, чем быт народа в Западной Европе» (Семевский, 1888, с. 95–96).

К сожалению, указанное сочинение выпускника германских университетов А. Я. Поленова было опубликовано в России лишь через сто лет после его написания, уже после отмены крепостного права. В своих комментариях к этому сочинению Я. Борзов писал: «Весьма замечательно, что автор за целое столетие предвидит необходимость и, даже более, невозможность освобождения крестьян без наделения землей; он с поразительной ясностью указывает на те вредные и пагубные последствия, которые может иметь масса людей, не имеющая никакой собственности; масса, которая, по выражению автора, знает, что какая бы в нем перемена ни случилась, то ему терять нечего... Верность начертанной автором картины бедственного положения крестьянского сословия в его время и могущих от того произойти дурных последствий подтвердилась Пугачевщиной» (Борзов, 1865, с. 316).

Я. Борзов указывает и на то обстоятельство, что в целом ряде случаев предложения А. Я. Поленова, сделанные в XVIII в., оказались настолько радикальными, что не смогли быть реализованы даже в ходе крестьянской реформы в начале 1860-х гг. Так, например, «Положение 19 февраля о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» сохраняло общину, у А. Я. Поленова же об общине

не говорится ни слова; оно не предусматривало и предложенное А. Я. Поленовым обязательное заведение школ в деревнях и их государственную поддержку (Борзов, 1865, с. 316–318).

В своей критике крепостного права и положения крестьянства в целом А. Я. Поленов, конечно, не был одинок. В том же 1767 г. аналогичные идеи высказывали и депутаты Екатеринбургской законодательной комиссии, созданной для обсуждения подготовленного императрицей проекта нового Уложения. Комментируя соответствующие заявления депутатов различных сословий (в том числе и некоторых дворянских депутатов), известный историк русского права И. И. Дитятин писал: «Можно ли было высказаться более категорически, можно ли более ясно высказаться за освобождение крестьян во второй половине XVIII столетия?»¹ (Дитятин, 1905, с. 81). Все же и на этом фоне анализ, проделанный А. Я. Поленовым, отличался глубиной, ясностью мысли, всесторонностью.

Вся эта критика, однако, в то время не имела никаких практических результатов. Как отмечает известный специалист по российской истории XVIII в. А. Б. Каменский, «деятельность Уложенной комиссии 1767–1768 годов привела Екатерину II к выводу о невозможности согласования интересов различных сословий, а также смягчения крепостнических порядков без риска потерять престол... Она твердо усвоила, что основной опорой ее власти было только дворянство» (Каменский, 1996, с. 128).

* * *

Обучение российских студентов в немецких университетах вошло в традицию с 1740-х гг. Эта практика способствовала подготовке высококвалифицированных специалистов для систем государственного управления, образования, научных исследований и др. Поэтому самодержавное государство инициировало и всячески поддерживало эту политику, выделяя на ее организацию немалые финансовые ресурсы. С другой стороны, в XVIII в. немецкие университеты были важными каналами, через которые в Россию проникали английский либерализм и французское просветительство². Поэтому длительное пребывание наиболее образованной и активной части российской молодежи в Германии приводило к ее радикализации, способствовало росту оппозиционных настроений в обществе и было чревато весьма серьезными опасностями политического характера. Не случайно, когда в европейских странах складывалась революционная ситуация, царское правительство запрещало обучение российских студентов в университетах Германии и других стран. Так было, например, при Павле I и Николае I. Некоторые российские общественные деятели, в молодости обучавшиеся в немецких университетах, внушали такой страх царскому правительству, что были приговорены к смертной казни. Среди них были, например, А. Н. Радищев (смертная казнь была заменена 10-летней сибирской ссылкой) и декабрист Н. И. Тургенев (смертная казнь была заменена пожизненной каторгой). Оба были противниками крепостного права, но все же первым, кто выступил против него с глубокой критикой в России, был

¹ В. И. Сергеевич также отмечал, что «среди представителей русской земли XVIII в. были люди, которые правильно понимали государственные потребности своего Отечества, умели ценить хорошее в Петровских реформах и имели достаточно мужества для борьбы с такой старой язвой, как крепостное право» (Сергеевич, 1878, с. 259).

² «На примере Радищева нам немудрено было убедиться в том, что, несмотря на пребывание в немецком университете, русские люди возвращались на Родину проникнутыми не одной немецкой, но и французской и английской культурой, последователями той просветительной философии, которая из Англии стала проникать во Францию ко времени появления “Философских писем” Вольтера и выступила в полном расцвете к эпохе выхода в свет знаменитой “Энциклопедии” д’Аламбера и Дидро, “Духа законов” Монтескье, первых “Рассуждений” Руссо и его знаменитого “Эмиля”» (Ковалевский, 1915, с. 132–133).

А. Я. Поленов. Критика эта, как и у Н. И. Тургенева, носила либеральный характер. Это является лишним свидетельством того, сколь важную роль в развитии русской экономической мысли играли экономисты либерального направления. Пренебрежительное или даже враждебное отношение к этому направлению совершенно неоправданно. Не следует сводить всю русскую либеральную экономическую мысль к рыночному фундаментализму, точно так же как нельзя сводить, например, ислам к исламскому фундаментализму. Всякий фундаментализм ошибочен и опасен. В то же время вряд ли можно сказать, что существует какое-либо течение или школа в экономической теории, которые не были бы поражены этим «вирусом». Объективная и реалистичная оценка той или иной теории предполагает необходимость четкого разграничения здоровой ее составляющей и различного рода извращений, в том числе фундаменталистского характера.

Приобщение российской научной молодежи к мировой науке и культуре во все времена, в том числе и в XVIII в., имело огромное значение для формирования и развития национальной науки и культуры. Как отмечал выдающийся русский писатель Ф. А. Искандер, «чтобы созрел великий национальный писатель, необходимо, чтобы он прошел межнациональное перекрестное опыление. Оказывается, предварительным условием углубленного национального самопознания является знание чужого, прививка чужого. Существование национального гения доказывает, что народы должны стремиться к сближению. То, что либеральная политика (мысль о сближении народов) стремится доказать риторически, культура на практике уже давно доказала» (Искандер, 2004, с. 4).

Источники

- Айзенштат М. П.* Ганноверская династия // Большая российская энциклопедия. М., 2006. Т. 6. С. 388.
- Борзов Я.* Заметка к статье А. Я. Поленова об уничтожении крепостного состояния крестьян в России в 1767 г. // Русский архив. 1865. № 3. С. 316–318.
- Дитятин И. И.* Екатерининская комиссия 1767 г. «О сочинении проекта нового Уложения». Ростов-на Дону, 1905.
- Искандер Ф.* Дом и бездомье // С.-Петербургские ведомости. 2004. 29 июля. С. 4.
- Каменский А. Б.* Екатерина II // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. М., 1996. Т. 2. С. 128–130.
- Карп С. Я.* Гримм Фридрих Мельхиор // Большая российская энциклопедия. М., 2007. Т. 8. С. 12–13.
- Ковалевский М.* Борьба немецкого влияния с французским в конце XVIII и в первой половине XIX столетия // Вестник Европы. 1915. Окт. С. 123–163.
- П. Б.* Об уничтожении крепостного состояния крестьян в России // Русский архив. 1865. № 3. С. 285–286.
- Поленов А. Я.* О крепостном состоянии крестьян в России // Русский архив. 1865. № 3. С. 287–316.
- Поленов Д. В.* А. Я. Поленов, русский законовед XVIII века // Русский архив. 1865. № 3. С. 446–470, 703–736.
- Пушкин А. С.* Собр. соч. М., 1960. Т. 4. С. 451–498.
- Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 1.
- Сергеевич В.* Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссии? // Вестник Европы. 1878. Янв. С. 188–264.
- Тауберт Иван Андреевич* // Русский биографический словарь. СПб., 1912. С. 366–372.
- Шмурло Е.* Поленов Алексей Яковлевич // Русский биографический словарь. СПб., 1905. С. 467–470.
- Штранге М. М.* Русское общество и французская революция 1789–1794 гг. М., 1956.